

Бай Юйци и в самом страшном сне не мог представить, что окажется в одной машине с Юй Сяоянем.

Да еще и так тесно, что они касались друг друга коленями!

Юй Сяоянь прижимал к себе небольшую картонную коробку, доверху набитую какими-то железками. Посреди этого нагромождения инструментов сиротливо торчала та самая кустарно модифицированная маленькая бензопила.

Времени оставалось в обрез, а задача стояла серьезная, так что Сяоянь продолжал возиться со своим детищем прямо по дороге к дому семьи Бай.

Но стоило ему протянуть свое творение Бай Юйци, как выяснилось, что рукоятка закреплена из рук вон плохо. На глазах у обоих несчастная деталька разболталась, звякнула и... принялась весело скакать по полу машины, пока окончательно не отвалилась.

Бай Юйци лишь многозначительно промолчал.

«Ну конечно, мастер по производству высокотехнологичного хлама в своем репертуаре!»

Юй Сяоянь тоже не проронил ни слова.

С непроницаемым лицом — хотя в душе, верно, сгорая от стыда — он подобрал запчасть и, едва вернувшись в машину, снова принялся за ремонт.

Юйци было даже лень язвить по этому поводу. Он для себя уже твердо решил: к вещам, к которым приложил руку этот человек, он и на пушечный выстрел не подойдет.

Хлам он и есть хлам, хуже уже не станет.

Несмотря на физическую близость, мысли их разделяла целая пропасть.

От скуки Бай Юйци достал телефон и зашел в чат к Лэлэ.

— Лэлэ: [Ты сто лет не делал новых стикеров! Еще немного, и я официально исключу тебя из списков антифанатов! смайлик: ковыряет в носу]

— Цици: [Ни черта ты не понимаешь. Я готовлю нечто грандиозное.]

Он ведь каждый день видит «объект» воочию. Какой смысл размениваться на простенькие мемы?

Он обязательно дождетя момента, когда эта «глупая рыба голова» совершит промах, и тогда-то он взорвет сеть неоспоримым компроматом.

— Лэлэ: [Ой, да ладно тебе. Давай мемы, я уже заждался.]

— Цици: [Ладно, вечером скину.]

— Лэлэ: [Кстати, ты же тогда отказался от массовой. Чем сейчас занят? У меня тут есть работенка по ретуши фото, попробуешь?]

— Цици: [Не нужно, я уже нашел дело.]

— Лэлэ: [Ну и ладно.]

— Лэлэ: [Все-таки люди живут в разных мирах. Я тут слышал, в проект твоего кумира на роль Мэй Ланя взяли какого-то статиста, шум поднялся до небес. Имя у него тоже «Ци», а какая пропасть в статусе, а?]

— Цици: [...]

— Цици: [Огромное тебе спасибо за напоминание.]

Они с Лэлэ дружили давно, но Бай Юйци так и не решился рассказать о себе правду. Для друга он оставался обычным бедолагой, перебивающимся ролями в массовой.

С одной стороны, это было просто неудобно обсуждать, а с другой — Юйци боялся, что его «бафф» невезения может задеть и Лэлэ, если тот узнает слишком много...

Стоило об этом подумать, как Юйци тряхнул головой, заставляя себя замолчать. Нельзя погружаться в эти дебри, нельзя ворошить неприятные воспоминания, которые он с таким трудом задвинул в дальний угол сознания.

Выйдя из чата, он наткнулся на уведомление в группе съемочной группы. Актерский состав был практически утвержден. На следующей неделе всем следовало скорректировать графики: начинались примерки и пробы грима. Нужно было успеть внести правки, чтобы не сорвать торжественный запуск съемок в середине месяца.

Ассистент по костюмам постучалась в личку и уточнила, сможет ли он прийти через три дня.

Бай Юйци ответил, что в его распоряжении любое время.

Разглядывая в присланной таблице собственное имя, Юйци не удержался и втихомолку сделал скриншот на память.

Затем зашел во второй, секретный аккаунт и опубликовал пост: [Новое начало.] — прикрепив к нему замазанную картинку.

На этот аккаунт никто не был подписан, у него не было фанатов, и его записи никто не видел. Он использовал его просто как личный дневник.

Вечером, приняв душ, Бай Юйци устроился за письменным столом и открыл ноутбук Юй Сяояня, чтобы... делать злобные мемы на него самого.

«И почему я чувствую себя последней сволочью?»

Мучимый совестью, он поначалу хотел обсудить развод за ужином, но эта «глупая рыба голова» сразу после возвращения заперся в своей мастерской. Дворецкий пояснил: хозяин до сих пор восстанавливает свою маленькую бензопилу.

Юйци уже пытался осторожно разузнать обстановку у дворецкого. Тот поведал, что помолвка была заключена еще двадцать лет назад. Мать Юйци, Вэнь Вань, и мать Юй Сяояня, Ай Цинь, были не разлей вода.

Родители Сяояня попали в автокатастрофу много лет назад. Юй Бинь погиб на месте, закрыв собой жену, а саму Ай Цинь доставили в реанимацию. Сяояню тогда было всего восемь лет.

Перед смертью Ай Цинь успела написать завещание, в котором и упоминался этот брачный союз.

Бай Юйци приуныл.

«Черт возьми, кажется, всё гораздо сложнее, чем я думал».

Он решил пока повременить с разговорами о разводе. Спешка тут не поможет, действовать нужно тонко и планомерно.

Лучший вариант — заставить эту «глупую рыбу» возненавидеть его, как это делали сотни людей до него. Пусть он начнет его бояться, избегать, презирать. Тогда и развод станет закономерным финалом.

К тому же с его врожденным «даром» заставить кого-то искренне полюбить себя — задача почти невыполнимая.

А вот вызвать отвращение — проще простого.

Преисполненный решимости стать самым невыносимым человеком на свете, Бай Юйци нагло ватно распахнул ноутбук.

Пользоваться вещами владельца, чтобы строить против него козни — поступок сомнительный, но эффективный.

Сразу за главной спальней, примыкающей к комнате Юйци, располагалась небольшая студия Юй Сяояня. Хозяин дома общался с кем-то по видеосвязи через громкую связь, не отрываясь от работы над маленькой бензопилой.

В динамике раздался ленивый мужской зевок:

— Послезавтра не забудь приехать. И если не хочешь, чтобы поползли слухи о тебе и твоём мальчишке, лучше не являйтесь вместе.

При упоминании «своего мальчишки» Юй Сяоянь невольно посмотрел с теплотой.

— Знаю.

Красавец на экране, окончательно сморенный сном, заполз под одеяло:

— Да брось ты уже свои железки! Сделай одолжение, почитай сценарий. Что тебе важнее: ублажать своего малого или кино снимать?

— Я знаю, что делаю, — Сяоянь мельком глянул на экран, где уже погас свет, и небрежно бросил напоследок: — Он возвращается в следующем месяце.

Цюй Юйчэнь на том конце провода мгновенно подскочил в постели, остатки сна как рукой сняло.

— Что ты сказал? Он... он возвращается?

— Да. Всё, отбой.

Сяоянь поспешно нажал отмену вызова, совершенно не заботясь о том, что Цюй Юйчэнь теперь и глаз не сомкнет до самого утра.

Закончив возиться с маленькой бензопилой, Юй Сяоянь придирчиво осмотрел её дважды, после чего уложил в изящную коробочку и — с предельной серьезностью — повязал сверху атласную ленту, соорудив нелепый, но трогательный бант.

Он бережно подхватил подарок и, боясь выдать себя стуком каблуков, разулся и пошел дальше босиком.

Остановившись у двери Бай Юйци, Сяоянь осторожно постучал. Попробовал повернуть ручку — и, к его удивлению, дверь оказалась не заперта.

Щель приоткрылась, и в коридор вырвались звуки энергичной музыки.

Юй Сяоянь замер.

«Полночь на дворе, а у моей маленькой женушки энергия так и бьет ключом».

Бай Юйци под музыку яростно тряс головой, что-то бормоча под нос — кажется, читал рэп. Он не отрывал взгляда от монитора, левая рука летала по клавишам, правая уверенно сжимала мышь.

Техника монтажа и ретуши была на высоте. За щекой у него торчала палочка от леденца, который он где-то раздобыл.

В пепельнице рядом с мышью уже скопился тонкий слой пепла, а пачка рядом была пуста. Видимо, когда сигареты закончились, пришлось утолять «оральный голод» сладостями.

Юй Сяоянь тихонько оставил коробку в углу у входа и вытянул шею, пытаясь разглядеть, чем же занят Юйци.

Письменный стол стоял прямо напротив окна, спиной к двери, так что Сяояню сразу бросились в глаза огромные мониторы, на которых красовались... его собственные фотографии.

Зрению Юй Сяояня мог позавидовать любой. Одного взгляда хватило, чтобы он отпрянул назад.

Он на цыпочках прикрыл дверь и прислонился к ней спиной, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Он опустил голову, мягкий свет лампы падал на макушку, скрывая тенью половину лица, но он ликующе улыбнулся.

«Мой малютка... он и вправду без ума от меня».

Днем, должно быть, просто стесняется, раз решается смотреть на него только глубокой ночью, тайком.

Вернувшись в свою спальню, Сяоянь достал телефон, снова вышел в коридор и сфотографировал закрытую дверь комнаты Бай Юйци. Снимок тут же полетел в общий чат.

— Переулок: [?]

— Легко ли мне: [Ты опять с цепи сорвался?]

— Эл: [Интуиция подсказывает — лучше не спрашивать.]

— Юй Сяоянь: [За этой дверью]

— Переулок: [?]

— Легко ли мне: [Что там?]

— Эл: [Ну и?]

Троица «папаш» уже сгорала от любопытства.

— Юй Сяоянь: [Малыш сидит за ноутбуком и смотрит мои фотки]

— Переулок: [Исчезни]

— Легко ли мне: [Проваливай]

— Эл: [Сгинь]

В следующую секунду Юй Сяояня удалили из чата.

— Это просто зависть, — прошептал он себе под нос и с легким сердцем отправился спать.

Бай Юйци сдал пачку новых мемов и временно закрепил за собой статус почетного антифаната

«глупой рыбьей головы».

Три дня пролетели как один миг. Настало время ехать на пробы грима.

Накануне он почти ничего не ел, боясь отеков, которые могли испортить работу визажиста. Утром на кухне приготовили роскошный завтрак. Повара и прислуга буквально заглядывали ему в рот, а дворецкий твердил, что пробы — дело изматывающее, и нужно плотно подкрепиться.

Под пристальным взглядом десятка глаз Юйци послушно съел несколько ложек.

Уже на выходе дворецкий всучил ему коробку с домашними пирожными — мол, перекусишь, когда проголодаешься.

Бай Юйци посмотрел на коробку высотой с добрую стопку книг и прифигел.

«Забота, конечно... весомая».

В этот момент вниз спустился Юй Сяоянь, только что из душа.

Как бы ни раздражала «глупая рыбья голова», Юйци, живя в его доме, счел нужным предупредить:

— У меня... дела. Скорее всего, вернусь очень поздно.

Сяоянь кивнул:

— Хорошо. Пусть дядя Чжан тебя отвезет.

Бай Юйци опешил.

«С чего бы такая щедрость?»

Но время поджимало. Боясь опоздать и заставить кумира ждать, Юйци не стал спорить и уехал с дядей Чжаном.

Когда он добрался до места, на съемочной площадке уже царил творческий хаос. Люди сновали туда-сюда, каждый был занят своим делом. Ассистент по костюмам быстро выхватила его из толпы.

— Вы рано, это хорошо. Самая левая гримерка пока свободна. Переодевайтесь, и сразу начнем.

Она втолкнула его в комнату и велела подождать, пока принесет костюм.

Бай Юйци едва успел поставить коробку с пирожными, как ассистентка вернулась, впихнула ему в руки одежду и отправила за ширму.

К тому моменту, как он переоделся и сел в кресло, скудный завтрак окончательно переварился. Не зря дворецкий так переживал.

В гримерку заглянул молодой парень и спросил, готовы ли актеры: режиссер Цюй намерен лично осмотреть каждого.

Ассистентка, ждавшая Юйци, улыбнулась:

— Почти! Я уже мельком видела — наш Мэй Лань просто чудо как хорош!

Визажист тем временем аккуратно наносила кисточкой бледную помаду. Она работала молча, лишь изредка спрашивая, как он ухаживает за кожей: ни единого изъяна, поры словно стерты ластиком — кожа чистая, как у младенца.

— Вообще-то, ты и без грима красавец. Для обычного сериала мы бы так не возились, но в кино важна каждая деталь, так что потерпи, я должна всё проработать до мелочей.

— Конечно, спасибо вам, — Бай Юйци вежливо улыбнулся.

К счастью, когда дело касалось актерской игры, его «бафф» обычно затихал, так что он без опаски доверял свое лицо мастеру.

Когда работа была закончена, Бай Юйци открыл глаза и замер, не узнавая свое отражение.

Поскольку действие происходило в сеттинге Пустоши, лицо его сделали чуть более грубым и обветренным. Отросшие волосы скрыл парик под «ёжик», нежная кожа приобрела оттенок спелой пшеницы, а за ухом появилась аккуратная татуировка.

Но главным был взгляд. Тонкая длинная подводка подчеркнула разрез глаз, приподнимая внешние уголки, а в сочетании со светло-красными тенями это придало его обычно невинному облику налет порочности и опасности.

Ассистентка в восторге всплеснула руками: сразу видно — персонаж далеко не пай-мальчик.

Визажист тоже осталась довольна: именно таким она и представляла Мэй Ланя.

Злобная внешность, скрывающая внутреннюю чистоту. Тот, кто балансирует на грани света и тьмы, свой среди чужих, чужой среди своих.

Наслушавшись дифирамбов, Бай Юйци двинулся вслед за ассистенткой к выходу.

Девушка шепнула, что главные герои тоже уже прибыли. Цюй Юйчэнь обожает секретность и до последнего не раскрывал имя исполнителя главной роли.

— Даже не представляю, кто из мэтров будет играть Хо Чжу.

— Вы тоже не знаете?

— Нет, режиссер держит интригу... Впрочем, сейчас всё увидим.

Бай Юйци вошел в кабинет режиссера. В центре комнаты спиной к двери стоял человек в полном гриме и о чем-то переговаривался с Цюй Юйчэнем.

Режиссер первым заметил вошедшего и вскинул брови:

— О, а вот и наш Мэй Лань пожаловал.

Человек в костюме обернулся на звук голоса. Их взгляды встретились. Бай Юйци ощутил, как земля уходит у него из-под ног.

Бай Юйци: «???»

«Какого черта...»

«Господи, за что? Уж лучше пусть меня прямо здесь громом расшибёт».

<http://bllate.org/book/17443/1657319>